

Но когда в пятнадцать-шестнадцать лет он резко вырос, их позиции внезапно поменялись, и он начал во всем защищать Е Чжицю и Цзинь Баобао.

Вот почему Тан Лэ намеренно направил разговор на Тао Жоцин.

Семья всегда была больным местом для Е Чжицю. Раньше, услышав, как Ли Шаоцзюнь так нелестно отзывается о Тао Жоцин, он точно бы не стал молчать.

Но сегодня, неизвестно почему, Ли Шаоцзюнь все еще спокойно сидел здесь.

Молодой человек, которому только что исполнилось восемнадцать лет, разозлившись, действительно выглядел устрашающе. И Ци Синь, и Тан Лэ были вынуждены отступить.

Тан Лэ больше ничего не говорил, только повернул голову в сторону коридора.

Словно почувствовав его нетерпение, высокая и стройная фигура Е Чжицю появилась в углу коридора. Он всегда производил впечатление беззаботного человека, которому все равно. Даже увидев, что здесь происходит, он не ускорил шаг.

Но даже самый длинный путь когда-нибудь заканчивается. Е Чжицю подошел и пнул вытянутую ногу Ли Шаоцзюня.

Увидев это, Ци Синь торопливо шагнул вперед, но не успел он открыть рот, как Е Чжицю окинул его взглядом.

— Продавец цветов? — с насмешливой улыбкой посмотрел он на Ци Синя. — Не туда попал, да?

— Ха-ха-ха-ха... — В соседней кабинке тоже сидела компания молодых людей, которые, услышав это, разразились смехом.

— Парень, — крикнул кто-то, — тебя оценили, ты не подходишь и не нравишься, так что лучше уходи.

Ци Синь невольно сжал цветы в руках, чувствуя, как на него смотрят, словно на обезьяну в цирке.

Кто на великое дело идет, тот о мелочах не думает.

Сдерживая дискомфорт, Ци Синь снова шагнул вперед, протянул розы Е Чжицю и вежливо и сдержанно назвал его имя:

— Сяо Цю.

Е Чжицю замер, опустил глаза на розы, поднесенные к его лицу, а затем с насмешливой улыбкой поднял взгляд на Ци Синя.

В тот момент, когда их взгляды встретились, Ци Синь невольно застыл.

Эти глаза были такими красивыми, словно ярче самого прекрасного нефрита в мире, захватывающими дух, особенно их цвет...

Непроизвольно в его голове всплыли другие глаза.

Хотя они и близко не были такими красивыми и привлекательными, как эти, они все равно волновали его.

Без всяких усилий взгляд Ци Синь стал пылким и восторженным.

Словно весь мир, небо и земля, исчезли, и в его жизни остался только Е Чжицю.

Этот взгляд был настолько горячим, что даже насмешливо наблюдавшие за происходящим Цзинь Баобао и воинственно настроенный Ли Шаоцзюнь невольно замерли.

Как будто...

Как будто этот человек любил Е Чжицю очень-очень долго.

Е Чжицю видел такие взгляды раньше слишком много раз.

Но теперь, после стольких лет, проведенных в аду, после того, как он действительно умер однажды, все это стало для него ничтожным, как пепел, и больше не стоило его внимания.

Не говоря уже о том, что...

Краем глаза он посмотрел на плотно закрытую дверь комнаты 201 наверху и улыбнулся.

Не говоря уже о том, что Ци Синь смотрел вовсе не на него.

— Сяо Цю? — Е Чжицю медленно поднял бровь. — Так фамильярно называешь меня. Мы знакомы?

Ци Синь любил себя и свое достоинство, обладал довольно привлекательной внешностью, но в глубине его души сосуществовали одновременно заниженная самооценка и самовлюбленность, делая его чрезвычайно чувствительным.

Хотя тогда он не стоял так близко, но на праздничном обеде в полдень они действительно встречались.

Прошло всего несколько часов, а Е Чжицю уже совершенно не помнил его, и это было для него хуже смерти.

А Е Чжицю хотел именно этого — унижить его.

Он хотел, чтобы тот, как и он сам когда-то, постепенно потерял самоуважение, потерял себя, потерял все, опустился на самое дно.

И действительно, улыбка на губах Ци Синя застыла.

— На самом деле мы виделись сегодня в полдень на праздничном обеде, — объяснил Ци Синь, поправляя выражение лица. — Мой отец знаком с госпожой Тао.

Говоря это, он снова шагнул вперед и еще раз поднес розы к Е Чжицю.

— Я влюбился в тебя с первого взгляда на том обеде.

Мягкие лепестки роз коснулись его одежды, и Е Чжицю отступил назад.

— Извини, — сказал он, — я не люблю розы.

Ци Синь опешил.

Тао Жоцин две недели назад рассказала ему обо всех предпочтениях Е Чжицю, и он уже выучил их наизусть.

Ведь он должен был любить розы.

Но, несмотря на сомнения, он тут же положил розы на край мраморного стола.

— Розы символизируют пылкую любовь, — сказал он. — Я думал, тебе понравится.

— Любовь? — Е Чжицю смахнул розы на пол, а затем, опершись руками, сел на стол.

Он сидел развязно, в его голосе слышалась насмешка:

— Ты едва встретил меня, и уже говоришь о пылкой любви? Не слишком ли дешева твоя любовь?

Сказав это, он засмеялся, крайне невежливо.

Девятнадцатилетний Е Чжицю был именно таким: высокомерным, своенравным, непринужденным...

Но из-за своей чрезмерно привлекательной внешности он выглядел очаровательно даже когда был невежлив.

Тан Лэ сделал глоток вина и увидел, как лицо Ци Синя резко побледнело, а на шее от сдерживаемого гнева вздулись вены.

— Я просто думаю, что любовь с первого взгляда — это прекрасно, и за все эти годы это случилось со мной только раз, — сказал Ци Синь после недолгого молчания, не скрывая негодования в голосе.

Он уже так долго стоял здесь, словно посмешище, а Е Чжицю все еще продолжал его унижать.

Молодые люди за соседним столиком на мгновение замолчали, и все взгляды обратились на Е Чжицю.

Юноша с легкой улыбкой смотрел на Ци Синя, как на капризного ребенка.

— Правда? — спросил он, никак не отреагировав на слова Ци Синя о «любви с первого взгляда». — Ты любишь меня. И что же ты во мне любишь?

— Красоту, талант, то, как ты светишься в толпе... — Встретившись взглядом с Е Чжицю, Ци Синь снова стал смотреть на него восторженно и сосредоточенно, и даже его гнев, словно под дождем, мгновенно улетучился. — Хотя сейчас я еще не достоин тебя, но я буду стараться. Пожалуйста, дай мне шанс, позволь мне добиваться тебя, дать тебе дом.

В прошлый раз Е Чжицю был тронут Ци Синем именно из-за фразы «Дать тебе дом».

К сожалению, только в самом конце он узнал, что эти слова на самом деле предназначались другому.

Но нельзя отрицать, что Ци Синь действительно хорошо знал его слабости и уязвимые места,

иначе бы не смог нанести такой сокрушительный удар.

— Талант... — тихо повторил Е Чжицю с улыбкой.

Действительно, Ци Синю нужно было полагаться на его талант, чтобы продвигаться в карьере и стать достойным того, кто всегда был для него недостижим.

— Может, и не лучшее признание, но, братан, это было искренне. — снова подала голос группа поддержки из соседнего столика, а остальные зрители, тронутые искренним признанием Ци Синя, начали скандировать в такт:

— Соглашайся, соглашайся...

В то же время наверху, в VIP-комнате 201, с громким хлопком открыли еще одну бутылку хорошего вина.

Юй Жэньчжи налил себе бокал, затем протянул стеклянную бутылку Цзян Наню:

— Они уже достаточно выпили, не нужно больше наливать.

Цзян Нань кивнул, но пальцы, сжимавшие бутылку, невольно напряглись. Затем он непроизвольно наклонился вперед и осторожно налил вино в пустой бокал напротив.

Темно-красная жидкость закружилась по дну бокала. Цзян Нань украдкой поднял глаза и посмотрел на человека, сидящего напротив у окна.

Тонкие брови, глаза феникса, прямой нос, тонкие губы — красив, словно скульптура, но аура величия и ледяного спокойствия, исходящая от него, не позволяла никому приблизиться.

В этот момент мужчина небрежно скрестил длинные ноги и, опустив глаза, сосредоточенно изучал документы на коленях, не замечая ни усердия Цзян Наня, ни его пылкого взгляда.

Цзян Нань смотрел на него как замороженный, словно хотел запечатлеть его образ в своих глазах.

Ведь такая возможность выпадает нечасто.

Если бы не настойчивые просьбы к Юй Жэньчжи, у него бы сегодня вообще не было шанса сидеть здесь.

Поэтому, несмотря на то, что с момента входа мужчина ни разу не удостоил его взглядом,

Цзян Нань был счастлив просто смотреть на него.

— На что ты смотришь? Вино уже проливается. — Юй Жэньчжи, сидевший рядом, не выдержал и сделал Цзян Наню замечание.

За тот час, что прошел с момента их входа, все присутствующие заметили чувства Цзян Наня к Цинь Цзяньхэ.

Но все понимали, что, скорее всего, ничего не получится.

Ведь это же Цинь Цзяньхэ.

— Я... — Цзян Нань покраснел и выпрямился. Он хотел что-то сказать, но внизу вдруг раздался шум.

Юй Жэньчжи всегда любил шумные компании. Услышав звуки, он первым встал и подошел к окну, приоткрыв его, чтобы посмотреть, что происходит.

Одного взгляда ему хватило, чтобы увидеть, на кого все обратили внимание.

Юноша, опираясь руками позади себя, сидел на черном мраморном столе, слегка запрокинув голову и улыбаясь.

На фоне темной столешницы его руки с отчетливо видными костяшками и нежной кожей казались белыми, как снег, красивыми, как нефрит.

Освещение внизу было не таким уж ярким, но почему-то Юй Жэньчжи видел все очень четко.

Словно юноша сам излучал свет, настолько яркий, что от него невозможно было оторвать глаз.

Юй Жэньчжи на мгновение замер, а затем медленно перевел взгляд на лицо юноши.

— Ничего себе. — воскликнул он и, повернувшись к Мэн Циньяню, сказал, — А-Янь, иди сюда, посмотри, этот парень внизу, кажется, может затмить всех ваших суперзвезд из мира развлечений.

Недавно на кинофестивале двадцатидвухлетний Мэн Циньянь получил свою вторую награду за лучшую мужскую роль. Сегодняшнюю вечеринку Юй Жэньчжи устроил специально для него.

Услышав это, Мэн Циньянь наклонился вперед, взглянул вниз и кивнул, а затем посмотрел на Цинь Цзяньхэ.

— Не думаю, что мне стоит на него смотреть, а вот брату Юю, наверное, стоит.

Цинь Цзяньхэ в детстве звали Цинь Юй, — это имя знали только близкие друзья.

Цзян Нань услышал его впервые. Узнав такую личную деталь, он почувствовал, как в его сердце разливается еще больше тайной сладости.

Видя, что Мэн Цинъянь перевел разговор на Цинь Цзяньхэ, Цзян Нань с любопытством встал. Ему стало интересно, кто же этот человек, которого Юй Жэньчжи так расхваливал.

Щель в окне стала шире. Цзян Нань опустил голову и посмотрел вниз. Он хотел что-то сказать, но вдруг замолчал.

— Что такое? — спросил Юй Жэньчжи. — Ты знаешь того, кто внизу?

— Что ты! — Цзян Нань выдавил из себя смешок.

В тот момент, когда он узнал Ци Синя, он также увидел и Е Чжицю.

Чтобы встретиться с Цинь Цзяньхэ, он сегодня очень тщательно подбирал свой наряд.

С головы до ног — все от кутюр.

Глядя на себя в зеркало, он сиял.

Но сейчас молодой человек внизу, просто сидя так небрежно, затмил весь его тщательно продуманный образ. Как восходящее солнце, заставляющее звезды и луну меркнуть.

Цзян Нань почувствовал укол ревности. Инстинктивно он не хотел, чтобы Цинь Цзяньхэ увидел этого человека.

Но Мэн Цинъянь, хоть и был молод, вел себя очень тактично.

Раз уж он заговорил об этом, Цинь Цзяньхэ спокойно спросил:

— Что такое?

— Недавно я снимался для рекламного буклета вашей компании, и главный дизайнер Ло сказал, что вы собираетесь связаться с победителем этого года конкурса модельеров. — Мэн Цинъянь улыбнулся. — Вот так совпадение, он как раз внизу.

— Тогда Сяо Юй действительно должен посмотреть. — Ван Цитан забрал документы с колен Цинь Цзяньхэ и со смехом сказал. — Говорят, в этом году он лучше, чем все предыдущие.

Цинь Цзяньхэ видел работы Е Чжицю для конкурса. Они действительно были потрясающими и запоминающимися.

Но он никогда не любил шумные компании, поэтому, услышав это, лишь слегка повернул голову и равнодушно взглянул вниз.

Красивый юноша внизу смеялся дерзко и непринужденно, словно цветок гибискуса, распустившийся на ветру. Помимо незабываемой красоты, в нем была еще и легкая, уместная нотка очарования.

Это очарование было едва уловимым, не вульгарным, не кричащим, а каким-то особенно чистым.

Как и его работы — потрясающие и запоминающиеся.

Если бы не его немного легкомысленное поведение в данный момент.

— Нравлюсь я тебе, да? — Е Чжицю наклонился вперед, густые ресницы слегка опустились, скрывая насмешливую улыбку в глазах. Он поднял руку и подцепил Ци Синя за подбородок, а затем, спустя мгновение, тихо рассмеялся. — Жаль, но мне нравятся послушные и невинные.

Эти слова Ци Синь когда-то произнес, пытаясь им манипулировать.

Из-за этих слов он особенно сдерживал свою речь и поступки, только чтобы произвести на него наилучшее впечатление.

Но игра постепенно превратилась в реальность, он притворялся, притворялся и в итоге потерял инициативу...

С тех пор, под чьим-то преднамеренным контролем, он шаг за шагом падал всё глубже и глубже.

А сейчас...

Слово в слово Е Чжицю вернул ему эти слова.

<http://bllate.org/book/14243/1258000>